

В ОДНОМ из малоизвестных писем, редко упоминаемом в исследованиях о Блоке, есть, на мой взгляд, очень многозначительное признание. «Вчера, — писал поэт 3 июля 1911 года года В. Пясту, — я взял билет в Парголово и ехал на семейном поезде. Вдруг увидел афишу в Озерках: цыганский концерт. Почувствовав, что здесь — судьба... я остался в Озерках. И действительно: они пели бог знает что, совершенно разодрали сердце». Далее Блок сообщает, как ночью, под проливным дождем на платформе цыганка дала ему поцеловать руку — «смуглую с длинными пальцами — всю в броне из колючих колец».

Озерки. Судьба. Эти слова Блок не зря ставит рядом. Самый «петербургский» наш поэт, имя которого неотрывно связано и с «таинственной Невой», и с «всадником бронзовым», и с «переулочками глухими» Петроградской стороны, и с островами у взморья, каким-то особым чувством был привязан к городским окраинам, где жил простой люд и где могло произойти нечто фантастическое, на грани яви и мечты.

Не случайно афористическая строка «Иль это только снился мне?» родилась именно здесь, родилась самопроизвольно и неизбежно, как первый, но не окончательный итог частого паломничества за шлагбаумы и семафоры официального, «железно-серого» Петербурга.

В письмах, дневниках и записных книжках Блока постоянно упоминается его излюбленный маршрут: Удельный парк, Озерки, Шувалово, Парголово. «Незнакомка» была написана здесь, в Озерках, в апреле 1906 года, цикл стихов «Вольные мысли» с адресным указанием Шувалова, местного кладбища, обрыва над озером, создавался летом 1907-го, второй вариант «Незнакомки» («Там дамы щеголяют модями») обрабатывался в 1911-м. К этому времени относится и упомянутое письмо к В. Пясту

о встрече с цыганкой, «в которой, собственно, и было все дело», ибо поэту «для вдохновения» требовались реальные «модели». И «друга единственного» с «очами синими бездонными» из пригородного ресторана, и Снежной Девы, и пляшущей цыганки под бренчанье мониста, и Невидимки у дверей «ночного кабака», и несчастной Катьки, распластанной в крови на городской мостовой.

В поисках конкретных персонажей для своих стихов, предаваясь «вольным мыслям», любил сидеть Блок и на «кримской скамье» в Шуваловском парке; и бродить в окрестностях ипподрома, и молчаливо наблюдать за посетителями кладбища у стен Спасо-Парго-

ловского храма.

Спустя семь десятилетий после последней записи Блока о посещении любимых озер, как не соблазниться мыслью — взяв его томик — отправиться в район, бывший местом таинственных встреч и творческих озарений?

Конечно, мне и моему спутнику, фотокорреспонденту А. Паулаускасу, хотелось найти хоть один след таинственной Дамы «под шляпой с траурными перьями». И нам повезло. Из оловянных туч выглянуло солнце. Оживилась мертвая ряба на озерах. Зазеленели морозостойкие кусты в палисадниках «загородных дач». Заиграли «желтые окна» старинных вокзальных построек. Шлагбаумы, сосновые рошцы, зеленые семафоры, спящие локомотивы, как могли, возрождали видения прошлого.

Поражало, правда, отсутствие «ресторанов», «дам, щеголявших модами», экскурсантов и туристов. Не увидели мы и привлекавших некогда сюда публику театрального и концертного залов, башни для

обзора живописного пейзажа.

И однако — как сказал Блок — «судьба!» Неожиданная встреча состоялась. На привокзальной площади в Шувалове. Случайно разговорились с работницей киоска Союзпечати, пожилой женщиной. Узнав о цели нашего визита, Е. А. Осипова сообщила, что еще до революции жила в Озерках с родителями и помнит не только «высокого», «статного» господина с поэтической шевелюрой, гулявшего со спутниками вдоль Озерной улицы, но и дом, в который он нередко заходил и мог у гостеприимной хозяйки отдохнуть, выпить чаю. Пенсионерка показала нам «блоковский» дом, к сожалению, уже приговоренный к сносу. Затем

Екатерина Алексеевна помогла найти и место, где находилась булочная и «зологилась» прикрепленный над ее входом «большущий и аппетитный крендель».

«Нечаянной радостью» стала для нас и прогулка вверх по холму, над самым большим — Нижним, или Суздальским, озером. Здесь пока меньше чувствуется угроза «зачарованному берегу» со стороны наступающего от шоссе со своими кранами и бульдозерами крупнейшего городского жилмассива Шувалово-Озерки. У берега мирно кормится большая стая уток. Клонятся густые камыши. Школьники играют между старинных ив и могучих сосен. А на верху горы, за оградой — светлое наряд-

ное здание словно только что построенного храма. Это — Спасо-Парголовская действующая церковь. И прихожан в наши дни здесь становится не меньше, чем в дни, когда Блок писал: «Вхожу я в темные храмы, совершаю бедный обряд. Там жду я Прекрасной Дамы в мерцаньи красных лампад». Близость церкви благотворно сказывается и на окружающем ландшафте. И возле ее стен, и вокруг часовни все прибрано, чисто.

Видна отмеченная поэтом «белеющая в сумерках дорожка». Здесь, над этим «вечным покоем», и происходил у него разговор «с вечерним озером» о «пошлости таинственной» и «возвышающем обмене», кажется, что вон тот силуэт мужчины, застывшего над озерной панорамой в печальном раздумии, очень напоминает самого внезапно появившегося автора «Вольных мыслей». Он такой же, как описывал себя Блок, «неподвижный, в широкой шляпе... скрестивший руки, стройный и влюбленный в мир». Наверное, таким встречала здесь поэта столько лет назад наша новая знакомая Екатерина Алексеевна. Она обещала вспомнить и сообщить нам имена еще нескольких коренных «озерковцев», которые видели «живого» Блока и могут дополнить ее воспоминания. Что же, мы ждем от нее вестей...

А пока хотелось бы высказать и свои, уже «невольные» мысли. Озерки — действительно блоковский музей под открытым небом. И нашим городским властям, ратующим за превращение Суздальских озер в заповедную зону, обязательно нужно помнить: здесь бывал, здесь любил, здесь творил, здесь отдыхал, набирался вдохновения великий поэт, который сказал: «Петербург употительнее всех городов мира».

Игорь ЗАПАДАЛОВ

На снимках: А. Блок. 1907 г. Фото Д. Здробнова; Спасо-Парголовский храм; Озерки. Нижнее Суздальское озеро. Фото А. ПАУЛАУСКАСА

Вер. Ленинград - 1990. - 27 ноябр. «Я остался в Озерках»

